

И. Г. ДЕЖИНА

ЗАРУБЕЖНЫЕ ФОНДЫ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: СТРАТЕГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Несколько лет назад в российской науке возник особый феномен — зарубежные фонды, поддерживающие отечественные научные исследования. Особенность этого явления состоит в том, что некая организация со своей идеологией непосредственно вторгается в сферу иной идеологии. Стратегия соучастия в чужом процессе всегда оказывается очень извилистой. Как зарубежные фонды разворачивают свою деятельность в России, какими критериями руководствуются, как это влияет на структуру отечественной науки, а также какая ответная реакция возникает со стороны научного сообщества — все эти вопросы затрагивает данная статья. Логически она разделена на две достаточно самостоятельные части: стратегии зарубежных фондов и результаты их деятельности*.

Зарубежные фонды, финансирующие научные исследования, начали действовать в России в условиях углубляющегося экономического кризиса. В 1992—1993 гг. популярным было обсуждение катастрофической ситуации в науке, говорилось о ее скором и окончательном разрушении. Многие науковеды грустно шутили об исчезновении объекта изучения.

Действительно, фон, на котором разворачивались первые зарубежные программы поддержки, а вернее — помощи российской науке, был достаточно мрачным. В общем виде все факторы, воздействовавшие на развитие сферы исследований и разработок, «подытоживались» отрицательной динамикой расходов на науку. Затраты здесь росли наименьшими, после затрат на культуру, темпами. Доля расходов на науку в валовом внутреннем продукте сократилась в 1992 г. примерно в два раза и составила 0,9% против 1,98% в 1991 г. Средства стали выделять ежемесячно и нерегулярно, инфляция учитывалась лишь частично. Одновременно доля госбюджета в 1990—1993 гг. в общих затратах на науку возросла с 55,4% до 90—95%. Это явилось еще одним осложняющим ситуацию фактором. Разрыв в оплате труда ученых и других групп населения неуклонно увеличивался. В течение 1991—1992 гг. реальная средняя заработная плата научных работников сократилась не менее чем в 10 раз.

В результате начался резкий отток кадров из науки — как за рубеж, так и в другие области деятельности. Численность специалистов, выполняющих исследования и разработки, в 1992 г. сократилась почти на треть по сравнению с уровнем 1989 г. Началось «старение» научных кадров за счет уменьшения притока молодежи: в 1992 г. на работу в научно-технические организации было принято молодых специалистов в среднем 1,8% от общей численности всех принятых на работу. Опросы среди молодежи показали, что престиж науки в иерархии предпочитаемых областей деятельности резко упал.

Новым явлением также стала безработица в научно-технической сфере. И здесь ситуация по сравнению с другими секторами экономики была наиболее плачевной. По данным Московской биржи труда, в 1992 г. потребность в ученых составляла лишь 1,3% от числа высвобожденных научных работников, поэтому шансы претендентов на получение научных должностей оценивались приблизительно как 1:100.

В 1993 г. финансовый кризис достиг апогея. В связи с задержкой средств на выплату зарплаты научные организации вынуждены были тратить на эти цели деньги, предназначенные для закупки оборудования, материалов, оплаты коммунальных услуг.

* Вторая часть статьи будет опубликована в следующем выпуске ВИЕТ.

Поэтому появление новых, альтернативных источников финансирования научных исследований стало одним из существенных обстоятельств, благодаря которому наука в России не разрушилась окончательно, и сейчас можно даже говорить о некотором ее возрождении в новых условиях.

Начало активной деятельности зарубежных фондов, финансирующих российские научные исследования, обычно связывают с именем Дж. Сороса. Действительно, создание им Международного научного фонда (*МНФ*) с бюджетом 100 млн. долларов было и остается беспрецедентной акцией по поддержке науки в России.

Вместе с тем различные программы, носившие, правда, значительно более локальный и «закрытый» характер, действовали еще в 80-х гг. В основном это были программы различных академических обменов. Они осуществлялись на основе соглашений с АН СССР и проводились через такие организации, как Немецкая служба академических обменов (*DAAD*), Совет по международным исследованиям и научным обменам (*АЙРЕКС*), Шведская королевская академия наук, Центральнo-Европейский университет (также основанный Дж. Соросом) и ряд других.

Широкое развертывание различных зарубежных инициатив в отношении российской науки можно датировать 1992 г., когда в Москве были открыты представительства фонда МакАртуров, программы Фулбрайт, Международного научного фонда. В 1993 г. в большинстве фондов были проведены первые конкурсы проектов. Часть фондов, действовавших ранее в России, несколько изменили направления своей деятельности, предложив более широкие и открытые программы поддержки российской науки (*АЙРЕКС*, Американский совет преподавателей русского языка и литературы (*АСПРЯЛ*), фонд «Культурная инициатива»). Пик активности зарубежных программ был отмечен в 1994 г., когда Международный научный фонд проводил сразу две крупнейшие программы: финансирования долгосрочных исследований в области естественных наук и поддержки гуманитариев. Вклад этих программ — каждой в своей области исследований — был максимальным в общем объеме зарубежного грантового финансирования. Однако неверным будет утверждение, что сейчас начинается постепенный спад активности. Направления и формы поддержки меняются, а число фондов, действующих в России, в целом стабилизировалось. Более того, открываются некоторые новые представительства. Последний пример — открытие Московского представительства фонда Форда с четырьмя приоритетными направлениями деятельности, тематически наиболее близкими к ориентации фонда МакАртуров.

Виды предоставляемой поддержки, так же как и типы финансирующих зарубежных организаций, неодинаковы. Условно организации, выделяющие гранты на научные исследования, можно разделить на несколько групп. Во-первых, это фонды крупных научных обществ и государственные фонды, такие как Королевское общество Великобритании, Национальный научный фонд США, фонд Александра фон Гумбольдта в Германии. В эту же группу можно отнести программы Европейского Сообщества (например, *ИНТАС*, *ТАСИС*, *КОПЕРНИКУС*). Во-вторых, это фонды, основанные крупными фирмами или компаниями — фонд Ротманс в США, фонд Хитачи в Японии. В-третьих, это многочисленные частные и благотворительные фонды, наиболее широко представленные в настоящее время в России. Наконец, при каждом крупном зарубежном научном учреждении или университете есть свой объем финансовых средств, предназначенных для поддержки совместных проектов и исследований. Такие общества в некоторых случаях оказывают и безвозмездную помощь ученым. Так, в 1992—93 гг. американские Астрономическое, Физическое и Математическое общества распределили более 1 млн. долларов для своих коллег в России.

Разброс типов грантов также велик. Наиболее распространенной сейчас формой финансирования являются индивидуальные или групповые гранты, выделяемые непосредственно российским ученым для проведения научных исследований в России или за рубежом. Другой тип поддержки — финансирование совместных проектов, в выполнении которых участвуют несколько зарубежных и российских партнеров (как правило, не менее трех) — например, программы Европейского Сообщества. При этом роль руководителя проекта и ответственного за подачу заявки (*Principal Investigator*) выполняет зарубежный

партнер. Остальные типы грантов носят целевой характер. Например, это финансирование поездок на конференции, поддержка студенческих обменов и образовательных программ. Один и тот же фонд может развивать сразу несколько программ. Например, *АЙРЕКС* финансирует программы индивидуальных исследований, совместные проекты, образовательные программы, а также в некоторых случаях оказывает поддержку российским ученым для поездок на международные конференции.

Среди действующих в настоящее время в России зарубежных фондов американские имеют самое широкое представительство. В целом свидетельством большого внимания США к состоянию российской науки является то, что из 10 крупнейших фондов США половина оказывает поддержку российским ученым и/или научным организациям (табл. 1).

Таблица 1
10 крупнейших по объему финансирования исследований и разработок фондов США
(данные на 01.06.1993)

Название фонда	Наличие программ/проектов поддержки российской науки
Фонд Форда (Ford Foundation)	+
Фонд Келлога (M. K. Kellogg Foundation)	-
Лилли Эндоумент Инк. (Lilly Endowment Inc.)	-
Фонд МакАртуров (John and Catherine T. MacArthur Foundation)	+
Пью Черитабл Трастс (The Pew Charitable Trusts)	+
Фонд Роберта Вуда Джонсона (The Robert Wood Johnson Foundation)	-
Фонд Рокфеллера (The Rockefeller Foundation)	+
Фонд Эндрю Меллона (The Andrew W. Mellon Foundation)	+
Нью-Йорк комьюнити траст (The New York Community Trust)	-
Фонд Кресджа (The Kresge Foundation)	-

В России наиболее активны и известны уже упоминавшиеся Международный научный фонд, фонд МакАртуров, *АЙРЕКС*, *АСПРЯЛ*, а также Российский научный фонд (поддерживаемый фондом Форда), программа поддержки научных исследований Института Открытого Общества (*Research Support Scheme — RSS*)*, Институт российских исследований им. Кеннана, программа «Семена демократии» (при поддержке *ISAR — Clearinghouse on Grassroots Cooperation in Eurasia*). Сравнительный «вклад» этих фондов в финансирование научных исследований по данным за 1994 г. выглядит следующим образом:

Международный научный фонд	84,90%
Программа поддержки гуманитариев МНФ	8,00%
Фонд МакАртуров	1,68%
Программа Фулбрайт	1,63%
Программа <i>RSS</i> Центрально-Европейского университета	1,57%
<i>АЙРЕКС</i>	0,92%
Российский научный фонд	0,65%
<i>АСПРЯЛ</i>	0,62%
Программа «Семена демократии»	0,03%

Удельный вес различных фондов определяется в первую очередь их бюджетом, а также тем, где проводятся исследования по гранту — в России или за рубежом. От этого зависит размер ежемесячной стипендии (т. е. той части гранта, которая идет непосредственно на оплату труда исследователя). При работе за рубежом величина гранта, естественно, больше (табл. 2).

* До 1995 г. эта программа входила в число инициатив Центрально-Европейского университета, а в Москве проводилась через фонд «Культурная инициатива».

Таблица 2

Обобщенные данные о средних размерах гранта на проведение научных исследований (по ряду американских фондов, имеющих свои представительства в России)

Название фонда	Средний размер гранта в 1993 г., долл. США	Средний размер гранта в 1994 г., долл. США
Работа по грантам в России		
Фонд МакАртуров*		7764 (в т. ч. стипендия 400 в мес.)
Фонд поддержки российских гуманитариев	500	3924
Российский научный фонд (при поддержке фонда Форда)		2000
Программа «Семена демократии»*		1782
Работа по грантам в США		
Программа Фулбрайт	13700 (на 4 мес.), стипендия — 2500 в мес.	16350 (на 5 мес.), стипендия — 2500 в мес.
АЙРЕКС*	18000 на 8 мес. или 8000 на 3 мес., стипендия — 600 в мес.	18000 на 8 мес. или 8000 на 3 мес., стипендия — 600 в мес.
Институт российских исследований им. Кеннана	2400 на 1 мес., 6363 на 3 мес., 22500 на 9 мес., 42000 на 1 г.	2400 на 1 мес., 6363 на 3 мес., 22500 на 9 мес., 42000 на 1 г.

* Информация представлена только по индивидуальным и групповым грантам без учета совместных проектов.

Большинство фондов выделяют на конкурсной основе гранты для проведения фундаментальных научных исследований. Исключение среди названных американских фондов составляют только программа «Семена демократии» и фонд МакАртуров, ориентированные на поддержку прикладных работ. По данным за 1994 г., финансирование фундаментальных исследований из госбюджета было приблизительно равным суммарному финансированию российской науки со стороны американских благотворительных фондов.

При этом по всем программам зарубежных фондов доля России по отношению к другим государствам СНГ неизменно высока. Проекты российских исследователей получают более высокие оценки зарубежных экспертов в сравнении с проектами исследователей большинства государств бывшего соцлагеря. Об этом можно судить по данным программы *RSS* Института Открытого Общества. В рамках данной программы из единого центра, расположенного в Праге, финансируются научные проекты в России, странах СНГ, Балтии, а также во всех восточноевропейских странах. Данные табл. 3 свидетельствуют о растущем международном признании уровня российских исследований.

Таблица 3

Доля России в общем числе присужденных грантов и в общем объеме финансирования проектов (по данным программы *RSS*)

Доля России, %	1993 г.	1994 г.
От числа проектов по СНГ	59.4	80.9
От числа проектов по всем странам-участницам	20.6	36.3
От объема финансирования по СНГ	53.5	78.8
От общего объема финансирования всех стран-участниц	13.7	25.7

Вместе с тем здесь же обнаруживаются и некоторые тревожные факторы. Доля России в общем объеме финансирования проектов стран СНГ выросла на 50%, а по отношению ко всем участникам программы — почти вдвое. С другой стороны, удельный вес России в общем объеме финансирования значительно ниже ее доли по числу полученных грантов. Это свидетельствует о том, что размеры грантов для российских участников меньше, чем в среднем по программе, а значит, все еще сохраняется «низкая цена» научного труда в России. Это также косвенно подтверждается результатами сопоставления России со странами СНГ. Здесь картина более сглаженная: доля российских проектов практически соответствует доле приходящегося на них финансирования.

Каждый зарубежный фонд, открывая свое представительство в России, ставил перед собой конкретные цели и задачи. В некоторых случаях приоритеты определялись исходя из анализа текущей ситуации в России и выявления на этой основе «ключевых» областей поддержки. При этом иногда (но не всегда) учитывался опыт и направления деятельности других зарубежных фондов, которые уже работали в России. Например, фонд МакАртуров первоначально предполагал сконцентрировать усилия на поддержке фундаментальных исследований по различным направлениям естественных наук. Однако после того как Дж. Сорос объявил о создании Международного научного фонда с бюджетом, значительно превосходящим возможности фонда МакАртуров, последний переориентировался на поддержку направлений, наиболее существенных, по его мнению, для развития гражданского общества, демократических прав и свобод в России. В целом «политическая» ориентация была характерна для многих развертывавших свою деятельность зарубежных фондов*. Это проявлялось как в выборе специальных программ (фонд МакАртуров, фонд Евразия, фонд Карнеги за международный мир), так и предпочитаемых областей финансирования научных исследований (политология, экономика, социология, история). В результате программы различных фондов как бы «наслаивались» друг на друга, что привело к гипертрофированной, по сравнению с другими научными направлениями, поддержке ряда общественных наук.

В дальнейшем фонды в большей мере стали координировать свою деятельность: между ними развивается единая система электронной связи, проводятся встречи и семинары по обмену опытом.

Постепенная адаптация фондов к российским условиям, знакомство со спецификой организации и функционирования российской науки повлияли на стратегии их деятельности. Наиболее ярко особенности стратегий фондов проявляются при анализе их региональной политики.

Большинство зарубежных фондов уделяют специальное внимание поддержке науки в регионах. Многие из них объявили развитие региональной науки одним из своих приоритетов. Фонды, прошедшие уже по несколько конкурсов проектов, стараются по возможности увеличивать число своих грантополучателей в различных регионах. Особенно наглядно это видно по динамике регионального распределения грантов для ряда зарубежных фондов (табл. 4).

Уровень региональной активности фондов зависит от нескольких обстоятельств. Во-первых, это количество и направления поддерживаемых исследований. Очевидно, что фонд, выделяющий гранты по всем направлениям гуманитарных, общественных и естественных наук, будет иметь возможность распределять их в значительно большем числе городов, чем, например, тот фонд, который финансирует только проекты гуманитарных исследований. Во-вторых, многое зависит от финансовых возможностей фонда или программы. Фонд, распределяющий 30—40 грантов в год, не может соперничать с фондом, выделяющим в десять и более раз больше грантов. Поэтому цифры, приведенные в табл. 4, должны оцениваться с учетом названных факторов. Например, по программам Фулбрайт и АЙРЕКС российским ученым ежегодно присуждается около 25 грантов, в фонде МакАртуров — более 70; Российский научный фонд по пер-

* Это касалось даже некоторых «технических» программ. Например, в фонде АЙРЕКС существовала программа развития телекоммуникаций, называвшаяся «Модемы — за демократию» (*Modems for Democracy*).

вому конкурсу проектов выделил 102 гранта, программа поддержки гуманитариев МНФ — более 600, а число долгосрочных грантов МНФ составило около 3000.

Таблица 4

Динамика числа регионов, где были получены гранты некоторых зарубежных фондов

Название фонда	Поддерживаемые области науки	Число городов, где были присуждены гранты		
		1993	1994	1995
Международный научный фонд*	Естественные науки (физика, астрономия, химия, биология, науки о Земле, математика, механика)	—	52	—
Программа «Биоразнообразие» МНФ	Биология	49	—	—
Программа поддержки гуманитариев МНФ*	Любые гуманитарные науки	—	29	—
Фонд МакАртуров	Охрана окружающей среды, энергетика, права человека, правовая и экономическая реформа	—	12	29
Совет по международным исследованиям и научным обменам (АЙРЕКС)	Любые гуманитарные и общественные науки	3	3	нет данных
Американский совет преподавателей русского языка и литературы (АСПРЯЛ) и Американский совет по сотрудничеству в области образования и изучения языков (АКСЕЛС)	Любые гуманитарные и общественные науки и экология	—	19	28
Программа Фулбрайт	Любые гуманитарные и общественные науки и экология	6	15	14
Российский научный фонд (при поддержке фонда Форла)	Экономика, социология, политология (с 1995 г. — также российская история XIX—XX вв.)	—	31	—
Институт российских исследований им. Кеннана	Любые области гуманитарных и общественных наук, связанные с исследованием России	3	4	нет данных
Немецкая служба академических обменов (DAAD)	Любые направления естественных, технических, гуманитарных и общественных наук	—	53	60

*Единовременные программы

Третье обстоятельство, являющееся главным при равенстве предыдущих условий, — это стратегия фонда в распределении грантов, а именно: используемые критерии отбора проектов, установленные приоритеты, принципы организации экспертизы и некоторые другие. Наиболее часто встречаются две стратегии.

Первая стратегия базируется на отборе участников по жестким формальным критериям (наличие публикаций в зарубежных изданиях, возраст, квалификация и др.). В данном случае шкала оценки, как правило, единая, без «смягчающих коэффициентов» для особых категорий исследователей или научных учреждений (например, работников заповедников, специальных научных библиотек). При жестко формализованном подходе поездки представителей фондов по регионам и знакомство с условиями работы и местной проблематикой исследований обычно не практикуются.

Вторая стратегия предполагает достаточно подробное ознакомление руководства фондов с ситуацией в финансируемых ими областях исследований, применение многоступенчатой системы отбора предложений, минимум формальных критериев, гибкую систему экспертизы, проведение собеседований с претендентами. При всех явных преимуществах этой стратегии в некоторых случаях использовать ее затруднительно например, при большом числе поддерживаемых научных дисциплин.

В одном и том же фонде могут применяться различные стратегии в зависимости от типа программы. Например, фондом Сороса в 1993 г. в рамках программы «Биоразнообразие» выделялись гранты на исследования по классической биологии, а позднее, в 1994 г. — биология финансировалась по программе долгосрочных грантов *МНФ*. Подходы к отбору проектов по этим двум программам существенно различались.

По условиям конкурса долгосрочных грантов *МНФ* были заданы довольно жесткие исходные параметры, касающиеся квалификации исследователей и числа публикаций в зарубежных и наиболее престижных отечественных журналах. Итоговое распределение грантов выявило ориентацию программы на поддержку научной элиты: *на 5 лидирующих регионов (Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Владивосток, Иркутск) приходилось 93,4% выделенных грантов*. В этих городах было присуждено от 431 (Москва) до 8 (Иркутск) грантов по биологии. В других городах число грантов составило от 1 до 3.

В то же время по программе «Биоразнообразие» была выбрана иная стратегия. Так, для сотрудников заповедников (которых в бывшем СССР насчитывается более 170), работающих в особо трудных условиях и заслуживающих специальной поддержки, проводился более «мягкий» конкурс. Это дало возможность удовлетворить их немногочисленные заявки на 90%. В результате «концентрация» грантов по данной программе была ниже: *87% грантов было сосредоточено в 10 городах-лидерах*.

На наш взгляд, наиболее интересны те фонды, изменения стратегий которых связаны с более глубоким изучением российской ситуации. С этой точки зрения показательным является пример фонда МакАртуров. Сопоставление итогов двух конкурсов — 1994 и 1995 гг. — показало, что фонд стал более гибко принимать решения о распределении грантов. Для примера рассмотрим результаты распределения индивидуальных исследовательских грантов по экологии. Если в первом конкурсе гранты по экологии традиционно были распределены преимущественно среди ученых Москвы и Московской области (71,4% от общего числа присужденных грантов), то по итогам второго конкурса география грантополучателей значительно расширилась — с 7 городов в 1994 г. до 17 в 1995 г. при практически неизменном количестве присуждаемых грантов (35 в 1994 г. и 38 в 1995 г.). Характерным является то, что *в 1995 г. гранты были присуждены сотрудникам семи заповедников: в Читинской области, Петропавловске-Камчатском, Комсомольске-на-Амуре, Брянской, Рязанской областях и двух в Тверской области*.

Обсуждая вопросы региональной политики и стратегии, нельзя не упомянуть столь острую сейчас тему, как уровень «промосковскости» тех или иных зарубежных фондов. Действительно, Московский регион является самым крупным в России центром науки, и концентрация здесь значительного числа грантов объяснима и закономерна. Однако в последний год заметным стало явное желание многих фондов как можно больше расширить «территориальный охват». Иногда складывается впечатление, что желание поддержать «науку в регионах» начинает преобладать над реалистическими оценками как качества исследований в различных регионах, так и сложившейся там научной специализации. В некоторых зарубежных фондах в 1995 г. были введены квоты на количество грантов для ученых Москвы (программа Фулбрайт), а для программ, действующих не только в России, но и в других странах СНГ — ограничения для российских соискателей (*АЙРЕКС*). Это сразу отразилось на количестве грантов, полученных в Москве (табл. 5).

Таблица 5
Доля Московского региона в общем числе присужденных грантов
по ряду американских фондов и программ

Название фонда (программы)	Доля Московского региона в общем числе присужденных грантов, %		
	1993	1994	1995
Международный научный фонд	62,3*	57,8*	—
Программа поддержки гуманитариев МНФ**	—	74,0	—
<i>АЙРЕКС</i>	40,0	47,0	нет данных
<i>АСПРЯЛ</i>	нет данных	36,0	15,0
Программа Фулбрайт	62,0	39,0	20,0
Центрально-Европейский Университет, программа <i>RSS</i>	10,0	20,0	нет данных

* Деление по годам условное, представлены результаты первого и второго туров конкурса долгосрочных грантов МНФ

** Программа была единовременной, гранты присуждались только в 1994 г.

Из данных таблицы видно, что доля Москвы устойчиво снижается в первую очередь в тех фондах, которые осуществляют программы зарубежных стажировок (*АСПРЯЛ*, программа Фулбрайт). В фондах, присуждающих гранты для работы в России, доля Москвы либо устойчиво высокая (*МНФ*), либо растет (программа *RSS*). При этом максимально высокий удельный вес «московских» грантов был по программе поддержки гуманитариев *МНФ*. Это вполне объяснимо, поскольку в рамках данной программы никакие общественные науки (такие как экономика, политология) не поддерживались, а исследования гуманитарной направленности традиционно сконцентрированы в Москве и Санкт-Петербурге.

Судя по всему, фонды, выделяющие гранты для проведения научных исследований за рубежом, стараются более жестко придерживаться выбранных для себя приоритетов. Во многих из них отбор проектов проводят только зарубежные эксперты (*АЙРЕКС*, *АСПРЯЛ*), которые последовательно осуществляют «отсев» по заранее установленным критериям. Наконец, региональная политика очень тесно смыкается с различными политическими факторами и течениями, которые имеют большое влияние на ориентацию фондов. Так, например, сейчас уже становится достаточно очевидным, что «пик популярности» в США такой темы, как «фундаментальная наука в России» начал постепенно спадать, а на смену ей приходят, в частности, различные проблемы региональных и межэтнических конфликтов. Этот фактор также сказывается на усиливающейся «прорегионализации» фондов.

Анализ деятельности фондов показал, что применяемая стратегия связана с тем, к какой стране принадлежит фонд, и, соответственно, зависит от принятых там критериев и подходов к оценке качества научных проектов — в частности, и от сложившихся культурных традиций в целом. Так, например, представители европейских фондов (*ДААД*, *ИНТАС*) высказывали резкое неприятие исходных формальных критериев и ограничений, практикуемых в большинстве американских фондов, а также их сильной «политизации». Это относилось, в первую очередь, к ограничениям по числу публикаций в престижных и зарубежных журналах, квотированию финансирования по дисциплинам в зависимости от числа поданных заявок, а также такому «американскому» приоритету, как поддержка женщин.

Западноевропейские коллеги полагают, что критерий публикационной активности автоматически «отрезает» многих хороших исследователей из провинции, которые фактически не имели и не имеют доступа к зарубежным журналам. Кроме того, в европейских фондах уделяется гораздо большее внимание рекламе программ фондов, поездкам в регионы, личным контактам с учеными, проведению интервью перед принятием окончательного решения о присуждении грантов. Необходимость такой деятель-

ности обычно объясняют особенностями российского менталитета: ученые в России не привыкли писать заявок на гранты, не умеют «продавать» себя, и поэтому только в результате собеседований и личного общения с соискателями можно выбрать наиболее достойных. Что касается поездок в регионы, то эта сторона деятельности фондов является действительно актуальной. По данным некоторых опросов, 90% провинциального населения читает только местную прессу, из которой они не могут узнать о существовании специальных фондов и программ зарубежной помощи.

Квотирование финансирования по научным дисциплинам пропорционально числу поданных заявок действительно существует в ряде американских фондов (первыми это начали делать в Международном научном фонде). Администрация фондов полагает, что таким образом достигается «равный уровень конкурса» по различным дисциплинам, что в свою очередь является демонстрацией «равных возможностей» соискателей, представляющих различные направления исследований. В этом случае различие в числе грантов по научным направлениям определяется в первую очередь численностью ученых данной специальности (как известно, физиков, например, больше, чем астрономов) и уровнем их активности в подаче заявок. С другой стороны, такая организация отбора проектов не дает возможности определить сравнительное «качество» исследований по различным научным направлениям, приводит к отсеву более сильных заявок по одной дисциплине в пользу более слабых по другой. И с этой точки зрения оказывается, что возможности как раз не равны.

Что касается поддержки женщин и исследований, связанных с их правами и свободами, то многие американские фонды действительно делают на этом особый акцент. Наиболее последовательными в этой области являются фонд МакАртуров, АСПРЯЛ и Российский научный фонд, финансируемый фондом Форда, в которых поддержка женщин официально провозглашена в качестве одного из приоритетов. Это подтверждается данными о распределении грантов: если в 1994 г. в фонде МакАртуров доля женщин в общем числе грантополучателей составляла 43,7%, то в 1995 г. — уже 47,4%. Та же тенденция, только еще более ярко выраженная, наблюдается по программе АСПРЯЛ: доля женщин возросла с 51,5% в 1994 г. до 61,2% в 1995 г. Эти цифры дают только самое общее представление о том, насколько успешны фонды в стремлении к преимущественной поддержке женщин. Более ясной картина становится при сравнении доли женщин, получивших гранты по каждой из поддерживаемых научных дисциплин, с удельным весом женщин-ученых по данному научному направлению. Проведенный анализ для фонда МакАртуров и Российского научного фонда показал, что по политологии, социологии и праву доля женщин-грантополучателей больше доли женщин, которые, согласно данным официальной статистики, работают в данных областях наук. Что касается грантов по биологии (экологии) и экономике, то здесь ситуация обратная. В целом в фонде МакАртуров стремление к преимущественной поддержке женщин проявляется в большей степени, чем в Российском научном фонде. Там превышение доли женщин-грантополучателей было только в социологических науках.

Такой критерий кажется не совсем оправданным. Это подтверждается и чисто житейскими ситуациями, когда мужчины-ученые, чтобы получить грант на выполнение исследования, ставили в качестве автора проекта какую-нибудь из женщин-коллег.

В отличие от американских, европейские фонды не имеют предпочтений по полу и относятся с достаточной долей осторожности к феминистским движениям в науке.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что европейская модель более «повернута» к российской действительности, имеет в своей основе достаточно гибкую систему критериев и процедур оценки проектов. Наконец, европейские фонды находятся под меньшим влиянием своих внутренних культурно-идеологических ценностей.

При подготовке публикации были использованы следующие материалы:

1. Наука России сегодня и завтра. Ч. 1. Вып. 3. Аналитический центр по научной и промышленной политике. М., 1993.
2. Поддержка международными организациями и фондами участия женщин в научной и образовательной деятельности. Сборник информационных материалов. Вып. 1. СПб., 1995.

«МОЛЧАТЬ ДОЛЕЕ НЕЛЬЗЯ...»

(Из эпистолярного наследия академика С. Ф. Ольденбурга)

Одна из центральных фигур российского научно-организационного процесса начала XX в. — Непременный секретарь Академии наук на протяжении четверти века (1904—1929), академик-востоковед Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) до сих пор остается *terra incognita* отечественной социальной истории науки. Внешняя канва его судьбы кажется вполне благополучной. О нем писали при жизни, и даже после «дела Академии наук» 1929 г. его имя не исчезло из советских энциклопедий и справочников. Об Ольденбурге упоминали по разным поводам (как правило, в перечислениях) в монографиях, посвященных истории востоковедения и Академии наук. И только. Стена молчания вокруг «незапрещенного» имени оказалась настолько прочной, что первые, после некрологических статей 1930-х гг., работы об Ольденбурге появились ровно через 50 лет после его кончины. Историкографический всплеск пришелся на середину 1980-х гг., когда в связи со 100-летием со дня рождения ученого появился ряд публикаций, в т. ч. вышедший в 1986 г. в Москве сборник статей «Сергей Федорович Ольденбург».

Причины тому очевидны. Совсем недавно академик казался слишком «белым» — еще бы: кадет, министр просвещения Временного правительства. Когда в 1946 г. вдова ученого пыталась опубликовать статью о гимназических и студенческих годах Ольденбурга, президент АН СССР С. И. Вавилов в отзыве на эту работу, несмотря на первую фразу — «признание» в том, что «память о Сергее Федоровиче мне настолько дорога, что каждую новую, даже мало значительную подробность его жизни, я ловлю с жадностью», закончил отзыв однозначным вердиктом: «...для печати бесспорно неприемлем...», аргументировав столь суровое суждение тем, что «речь идет о поре, хронологически нам близкой, политически очень острой, и о людях, которым впоследствии, уже на наших глазах пришлось сделаться заметными общественными и политическими деятелями» [1, л. 101—102об.].

Сегодня Ольденбург многим кажется чересчур «красным»: ему ставятся в вину попытки найти компромисс в отношениях с новой властью; его обвиняют в измене идеалам, слишком лояльном поведении, тем самым подтверждая исторический прогноз Евг. Трубецкого, видевшего в русском максимализме — «все или ничего» — тупиковую форму общественного сознания, приверженность «чистоте формулы» независимо от ее практического результата.

Современники, близкие и далекие, неоднозначно оценивали эту фигуру. «В дореволюционное время, — писал академик-филолог С. А. Жебелев 1 марта 1934 г., на следующий день после кончины Непременного секретаря, — Ольденбург был, несомненно, *spiritus movens* Академии <...>, последние годы [1920—30-е — М. С.] лишили его со стороны многих той симпатии, которой О. пользовался у всех, кто его более или менее близко знал. О. хотел „переключиться“, сначала путем „приспособления“ к новому, а затем и полным поворотом к нему, но это ему не удавалось и не могло удасться. <...> Скольких он „спасал“, то, что было обречено на гибель; а когда „спасать“ стало поздно, О. круто повернул руль влево, но в этот поворот вряд ли кто поверил и верит, и это охладило симпатии многих к О.» [2, л. 1—1об.]. По-видимому, мнение Жебелева разделяли многие в академической среде (см., например, характеристики, данные Ольденбургу академиком А. Н. Крыловым в [3]), однако всякий раз, когда Непременный секретарь просил об отставке, замены ему не находилось... Заметим также, что десять лет, до 1927 г., Академия наук оставалась едва ли не единственным учреждением в Союзе, продолжавшим существовать по своим внутренним, по сути дореволюционным, законам. Этот беспрецедентный факт до сих пор не оценен в должной мере историками. Как бы отвечая оппонентам Ольденбурга, его близкий друг, историк и литературовед Д. И. Шаховской писал: «Сергей был прежде всего человеком реального дела, непреклонным служителем долга, ценящим результаты и подлинное дело. При этом в нем было много самоуверенности, и при постоянном вращении в среде, стоящей гораздо ниже его, это вылилось в какое-то самомнение, а огромные задачи, им на себя принятые и им с удивительным умением проводившиеся, всецело поглотили все его душевные силы и сделали его рабом принятого на себя тяжелого ответственного служения» [4, с. 272].

Академик Ольденбург принадлежал к тому поколению отечественной интеллигенции, «через которое в пору высокосоциальной его жизни, полной духовной зрелости, прошла История» [5, с. 223]. Она вместила три революции, мировую и гражданскую войны — социальные катаклизмы, оказавшие глубокое воздействие на эволюцию общественно-политических и неразрывно с